

***

Медленное крошево событий.
Кружево сближений и утрат.
Медвежонок, в парке позабытый,
принимает первый летний град.

Пуговки, уставленные в тучу,
высунутый замшевый язык:
«Господи, какой же я везучий!
Я к такому счастью не привык».

Лапы, обнимающие Бога.
Тяжесть шкуры. Холод по спине.
«Я не знал, что так бывает. О как!
Неужели это вправду мне?»

***

между лопаток чуть шелушится кожа
родинки разбегаются, прячутся на
запястьях
в давешнем августе я произнёс «не может
этого быть», не считается рифма «счастье»

прямо сейчас называю её «Жар-птица»
пламя лица, копны золотые перья
в давешнем августе не довелось проститься
вот и смотрю всполохи снов теперь я

запах не чувствую, то есть неразличимы
наши привычные радости и печали
в давешнем августе не ощущал мужчиной
сильным и строгим ангелом за плечами

***

Что видел я, раскрыв твою ладонь,
как поддевают раковину клада?
То шестилапый голубой огонь,
то маленького бога без оклада,
то сплюсненную копию «Арго».

Я говорил тебе: «Смотри, гребцы
напрасно вёсла опускают в кожу,
поскольку шкуры золотой овцы
среди твоих сокровищ нет». «Серёжа, —
ты отвечала, — не обмолвись, цыц.

Не будет ни предательств, ни клыков,
Медея сыновей не обескровит:
плыть в никуда окажется легко,
с двойной мечтой о женщинах и крове».

Кораблик отпустили в молоко.

***

Любовник. Восемь букв, недопустимых
вместе.

Не уголь-масло-грунт, а максимум — эскиз.
Изящная деталь, пружинка долгой мести
в полуночной тоске подлунного такси.

Брат Лермонтов, лечу к придуманной
Тамаре.

Брат Мефистофель, жгу в стеклянной
башне свет.

За считанные дни брутален и кошмарен
настолько становлюсь, что сожалений нет.

Мне видится сейчас, как недопонимаем
старинный механизм эстетики и лжи.
О, прежняя любовь (в объятиях немая),
ты подарила сон, но упустила жизнь.

Холёный девиант, бёрдслеевским Уальдом
дыханием пишу портрет чужой жены.
И в преисподней рвёт смычком по нервам
альта
быкоголовый бес мембрану тишины.

***

Кистепёрая ревность по комнате плавает.
Звук:
дефицитный винил, Miles Davis, царапины,
сбои.
Это всё несерьёзно: четыре касания рук.
Кто кому объяснит: что сейчас происходит
с тобою?

Этот сумрачный Китеж давно проглотила
вода,
и всплывать на поверхность мне хочется
реже и реже.
Кто кому объяснит: для чего ты вернулась
сюда,
где поверх детских снов намагничен
какой-то Малежик?

Где-то там высоко проплывает счастливый
якут,
отражает закат ожерелье из лазерных
дисков.
Кто кому объяснит: нафига мы увиделись
тут,
в толчее сардонической? «Apocalyptic
близко?»

Дождаться маршрутных китов, оказавшись
внутри,
засыпать под игрушечный плеер
в нагрудном кармане?
Вот и голос твой сжат до трёхсот двадцати
в трЗ,
и ревнивою рыбой мерцает в зелёном
тумане.

Беззвучный диптих

1.

«Канистра помята, но трещин ни-ни» —
под новый бензин подставляют воронку
две тени, включив габаритов огни
над спящим в пустой электричке ребёнком.

Спустя тридцать лет на подсохший перрон
шагнёт представитель большого народа —
и лысая крыша с прилипшим пером
нырнёт, словно сом, в черноту перехода.

Засела крючком одинарным тоска —
и ломится сом на прибрежные корни:
посланника горьких небес отыскать —
весёлого голубя с белою кровью.

Холодная рыба с горячкой внутри
отторгнута медленным вежливым илом
туда, где осыпалась крона зари
и ночь нефизической раной заняла.

2.

Когда ты вернёшься, я стану на несколько
зим
обидчивей, мстительней (и вероятно —
с тобою).
По праву вдохнувшего в детстве небесный
бензин
держу позвонки, проходя бесхребетной
толпою.

Здесь наших полно, оседают в дешёвых
быстро
на сдвинутых столиках, мимо футбольного
плеска,
похожи на длинных с колючей спиной
осетров
в красивых рубцах от оборванной в юности
лески.

Круги по рекламным щитам — расписной
правдоруб
беззвучно колотит хвостом по пустому
фужеру.
Чем может бравировать лига разорванных
губ?

Лишь тем, что не их вознесли
в целовальную жертву?

Когда ты появишься — парюю розовых
рук —
нести меня в марево, сцеживать влагу
на жабры,

закрой мне глаза: я не вижу пространства
вокруг,
я только способен тепло твоё впитывать
жадно.

***

Для тебя я — потрох, порох, болотный дым,
сменный картридж принтера ощущений.
Незаметна разница: стану ли молодым
в анфиладе вымер(з)ших помещений
или старцем, красный подняв фонарь.
Да любая из карт сгодится в таком раскладе:
ты придумала жанр любви — фон-арт,
где напарник только мерцает сзади.

Никаких хотений: на зеркалах
пыльным маркером абрисы и пометки.
Я способен жить в четырёх стенах,
но по свежей брани моей разведки

эта форма скуки ещё нова,
как барачный юмор для кватроченто.
И на секс и счастье мои права
остаются в силе пока зачем-то.

Компромат плезир

всё настоящее невыносимо настолько
что имитация с кем-то другим позволяет
просто дышать
так мне виделось

я снимаю
кожу словно растянутый свитер
прости я влюблён
и не смогу прикоснуться
к вошедшей в гостиничный номер
раздевшейся
совершенной
совращенной кем-то другим
я без кожи
и непригоден для секса
без кожи

помнишь такую игру
признавались по кругу
мягкие кресла густой алкоголь сигареты
слёзы развешаны в воздухе
девочка девочка мальчик
незавершённые фразы
записки открытки
все мы хотели любви и её растеряли
и обсуждаем причины отказа

срезать ненужную кожу
я не могу жить с наростами на коленях
я не хочу жить с наростами на лопатках
я не люблю жить с наростами на губах

Квартет

Бабушка продала отцовский аккордеон,
чтобы вывезти ребёнка в Крым.
Самым ярким впечатлением остался
совместный просмотр всем пансионатом
сериала про Шерлока Холмса по вечерам.
На «Сокровищах Агры» наши соседи

кричали:

«Сейчас свернём с Мойки
на Екатерининский канал.
По правую руку Конюшенное ведомство,
где в храме Спаса Нерукотворного образа
отпевали убиенного Алексансергеича

Пушкина;

по левую — Высшая школа народных
искусств
и ризница Иверской иконы Божьей Матери.
Впереди, если камеру поднять выше,
мы увидим храм Воскресения Христова.
Но за тройным мостом
идёт склейка:

мы возвращаемся
обратно на Мойку».
Такая вот советская Темза.
И по спасительному кругу на борту катера
отчётливо читается
«Чайка».

Отыгрались Серёже папашкины слёзки:
пустота поглощает родные берёзки.

В пустоте деловито проложены рельсы.
Машинистка — хорошая девочка Эльза.

Никому никуда не сбежать из коммуны.
И дорожные знаки читаешь как руны.

Защищаешь его: «Мой хороший,
вырывающий перья из плеч,
перепутавший пазлы матрёшек
в бесполезно-сакральную речь,
дегустатор изысканных мает
на прожжённых узбекских коврах»...
Значит, вывезла жизни кривая
в Петер-пыль, Петер-пух, Петер-прах.

Твой сын не станет музыкантом.
И сколько ты им ни гордись,
его дешёвое bel canto
души не поднимает ввысь.
Смотри на небо из подвала —
на линии и провода —
и говори себе, что мало
всего лишь жить и помнить. Да.

***

Отец играет на скрипке
над могилою сына.
Каждое воскресенье
играть приходит сюда.
Стройный, белобородый,
невероятно красивый.
Время на этих пальцах
не оставляет следа.

Слушаешь, отвернувшись,
частые сбои ритма.
Звук пересыпан пеплом,
грубый, глухой, земной.
Господи Милосердный,
это моя молитва,
в сердце моём калитка,
выйди и плачь со мной.